

К ГОДОВЩИНЕ АМЕРИКАНСКОЙ ТРАГЕДИИ

БЫТЬ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

М.ШЕБЕК*

В день американской трагедии – 11 сентября 2001 года – я находился в Риге по делам, связанным с распространением психоаналитической терапии среди местных профессионалов. Парадоксально, но смысл моей деловой поездки заключался в том, чтобы способствовать восстановлению психоанализа, разрушенного тоталитарной коммунистической идеологией в бывшем Советском Союзе. Как выяснилось, это довольно длительный процесс – восстановление европейских культурных ценностей, часть которых составляет психоанализ. И вот теперь – начало нового апокалиптического опыта, причем посредством совершенно уникального оружия? В нанятой мной квартире я пытался включить телевизор, но он оказался сломан. Один пациент сказал мне, что люди на улице говорят о Третьей мировой войне, угроза которой была ощутимой во время существования Железного Занавеса. Я не очень понимал, что, в действительности, произошло, но потом мне позвонил коллега, живущий в Лондоне. Он сказал: “Войны нет. Это произошло в Америке. Но *мир уже не будет таким, как прежде*. В нашей жизни теперь многое изменится”. Но что именно изменится? И какой вклад мы, профессионалы в области психоанализа и социального развития, можем привнести в дискуссию, начавшуюся недели через две после первоначального шока, паники и сильнейшей травмы, вызвавшей к немедленной вендетте?

Во-первых, люди утратили на время доступ к их архаичным всемогущим защищающим объектам. Если отчаяние и горе затронуло тех, кто непосредственно пережил утрату родственников, друзей и сослуживцев, то безопасность как не только частное, но и групповое чувство подверглось сотрясению повсюду в западном мире. Наряду с чувством беспомощности в смысле защиты нашего существования некоторые черты этой параноидально-шизоидной позиции распространяются по сей день. Таким образом, была вызвана к жизни и на время укрепилась психотическая часть личности.

* Михал **Шебек** – чешский психоаналитик, тренер, супервизор, член Чешского психоаналитического общества, секретарь (по Европе) Международной психоаналитической ассоциации, д-р психологии и мед. этики, профессор 2-го мед. факультета Пражского Университета (Charles University in Prague).

Но из работ Анны Фрейд и Дороти Бэрлингхэм (*A. Freud, Burlingham, 1943*) мы знаем, что люди через некоторое время приспосабливаются и к бомбе, попавшей в школьный двор и каким-то образом “забывшей” взорваться. Не так давно мы имели возможность наблюдать, как люди, живущие в Сараево, привыкали к повседневной опасности быть убитыми на улицах, и под пулями отправлялись за покупками так, как если бы опасности не существовало. Но она была, только люди *подавляли, вытесняли и отрицали* ее. Это, на мой взгляд, и является питательной средой, в которой террористы организуют свои нападения, почти всегда заставляя людей не подготовленными и в известном смысле беспомощными.

Во-вторых, в течение минувшего года мы увидели, что акты насилия производят определенного рода социальную “инфекцию”, что есть люди, чье воображение и поведение чрезвычайно возбуждено насильственными актами. Некоторые из них чувствуют потребность идентифицироваться с агрессором и самовыражаются при помощи не только мистификаций, но и вполне реальных “взрывных устройств”. То, что в реальности произошло со зданиями Всемирного Торгового центра, многими переживалось как фантазия. Эта фантазия разрушения господствовала не только в умах исламских террористов. Очевидное доказательство тому – телепрограммы западного мира и сам факт существования различных научно-фантастических фильмов, которые полны насилия и разрушения, – и, тем не менее (точнее, благодаря этому), собирают полные залы кинотеатров. Провидение Фрейдом инстинкта смерти, полностью никогда не принимавшееся большинством аналитиков, должно было бы занять больше места в наших размышлениях о будущем. Люди не только испытали ужас от нью-йоркской трагедии, но и пришли в возбуждение, а кое-кто и в подражательство, от этой катастрофы.

Было бы это иначе, телекомпании не передавали бы так часто и на протяжении столь долгих дней картин с изображением атаки на ВТЦ, взрыва, пожара и последующего падения обоих зданий. Таким образом, террористы получили наилучшую из всех возможных реклам.

К несчастью, от первоначально частных инцидентов терроризма в Израиле, Испании, Северной Ирландии, Балканском регионе атмосфера тревоги, вызванная ожидаемыми, но сокрытыми убийцами, распространилась на большие зоны нашего мира. Израиль, Россия, Америка, Афганистан, Индонезия, и снова Россия, где не так давно едва не прогремел новый взрыв, который мог бы привести к массовой гибели ни в чем не повинных людей... Эта глобализация острой тревоги, связанная с неизвестной и внезапной опасностью, никогда не была столь распространена, как сейчас. Тревога настолько сильна, что граничит с паническим состоянием разума. Некоторые фобические переработки этой тревоги помогают людям оставаться интегрированными: люди избегают воздушных перелетов, боятся пребы-

вания в высоких зданиях, путешествий. Будущее представляется серым и пессимистичным от мысли, что война с террористами будет долгой, а экономическая рецессия должна углубиться. Правительства и представители государств не могут обещать многого, и они точно так же опасаются общего хаоса, как обычные люди на улицах. Ясно, что население Афганистана под бомбежкой испытывало ужасную тревогу и смертельный страх, пытаясь спастись бегством со своей незащищенной территории. Насилие, ненависть и отсутствие защиты со всех сторон, похоже, торжествуют во внутренних и внешних мирах. Такое впечатление, что “родительский” мир более не способен к защите, и мы нуждаемся в возврате наших религий, которые спасали людей во времена предыдущих столетий.

Что ж, все это правда, но в то же самое время – нет. Наш сложный технологический и коммерческий мир борется с примитивными разрушительными чувствами, как бы они ни были сильны. Вторичный процесс не утрачен, и мысль, способность к пониманию, принятие решений, сдерживание, которое всем этим достигается, отнюдь не разрушены. Мы наблюдаем работу многих рабочих групп в разных странах, которые совершают свой труд адаптации после пережитых катастроф. Все это тоже входит в новую картину мира.

Терроризм и тирания имеют корни в примитивной структуре разума. Арабские террористы – не безумцы, они не страдают от психических заболеваний. Однако примитивные состояния разума очень близки к безумию, когда даже потребность в выживании может быть подавлена и смята под влиянием идеализации религиозных или идеологических целей. Монеи-Кирле (*Money-Kyrle*, 1944; 1978) описывает особого вида моральный подход, который состоит в воображаемом праве (даже долге, обязанности) разрушить “плохой объект”, который угрожает реальному или воображаемому “хорошему объекту”. С этой точки зрения, террористы всегда убеждены, что они делают “хорошее дело”, совершают благородный моральный акт, в котором насилие представляется оправданным. Чеченским девушкам-террористкам тоже не терпелось отправиться к Аллаху в ожидании сигнала, по которому они готовы были похоронить под руинами Театрального центра в Москве более 750 человек. Эта разновидность морали является подлинным тупиком. Западный мир с Соединенными Штатами во главе неизбежно вовлекается в этот тупик, когда отвечает *насилием*, – хотя насилие, конечно же, может быть убедительно оправданным: целью наказать и уничтожить терроризм. Но мы неизбежно ограничены собственной человеческой природой. Может ли трагедия ВТЦ остаться безнаказанной? Нет, и мы это чувствуем. При этом мы думаем о гитлеровской Германии, о советской оккупации Чехословакии в 1968 году, о Югославии Милошевича, о режиме Саддама... Пытаясь восстановить и успокоить структуры Су-

пер-Эго преступников и жертв, мы ищем наказания преступных актов. Но если наказание не принимается в качестве возмездия, оно обычно воспринимается как акт насилия. Понимает ли арабский мир войну в Афганистане как необходимое наказание террористов и тоталитарной власти Талибана, или она, война, воспринимается скорее как акт оскорбительного насилия, которое оправдывает все прошлые и будущие насильственные акты против США и западного мира?

В минувшее десятилетие я разработал в нескольких статьях концепцию “*тоталитарного объекта*”, являющегося, возможно, универсальным, архаическим и примитивным внутренним и внешним объектом (*Sebek*, 1998). Этот объект развивается из ранних представлений о родительских объектах и их субститутах. Опыт почти абсолютной власти материнской фигуры, а позже фигуры отцовской, укоренен в огромной разнице между слабым и маленьким ребенком и большим и всемогущим родителем. Эти примитивные образы проецируются на религиозные и светские авторитеты и, как представляется, “унавоживают” почву для тоталитарных режимов. История богата на тиранов и диктаторов. Даже Платон в своей “Республике” указывает, что сама человеческая душа обеспечивала существование и срок тоталитарных режимов.

Разум террориста – тоталитарный разум, в котором идеализированная цель является субститутом Супер-Эго. Действия человека отныне регулируются не его собственным разумом, а требованиями внешней тоталитарной власти (объекта) посредством идеализированного частичного объекта (идеологии, религии, целей и ценностей, которые абсолютны, трансцендентальны и ценимы больше, чем собственная индивидуальная жизнь субъекта). Этот архаический объект сливается с мощным внешним объектом, чтобы стать движителем социальных движений и трагедий даже и по сей день. Более того, тоталитарная ситуация подобного рода возникает обычно в таких обстоятельствах, в которых несоразмерность между внутренними и внешними объектами переживается как гигантская. Именно поэтому различия между богатыми и бедными, “черными” и “белыми”, между культурами (образами жизни) и религиями находились обычно в центре тоталитарных движений, революций и геноцидов. Объективные различия между исламским миром и западным миром, представляемым, прежде всего, США, похоже, находятся в самом центре нынешней военной ситуации. Представляется все более и более ясным, что трагедия ВТЦ есть симптом злокачественного развития внутри исламского мира и в отношениях между этим миром и западным. Самый могущественный объект в современном мире, США, имеет, очевидно, особую позицию: с одной стороны, привлекает и очаровывает, с другой – вызывает сопротивление, ненависть, зависть и фантазии смерти. Желание убить “отца” занимает примитивный

разум “сына” не только на уровне индивидуальной души, но и групповой динамики, куда оно проецируется. Эта деструктивная динамика была, возможно, причиной падения многих великих империй.

Мы должны быть осторожны. Нам следует более глубоко вглядываться в корни зла с тем, чтобы защитить цивилизацию как целое. Мы должны изучать сигналы, поступающие из исламского мира, и пытаться лучше понять, почему мы оказались перед лицом едва ли не самого большого кризиса со времен Второй мировой войны. Недостаточно считать, что терроризм – зло. Необходимо спросить себя, почему мы оказались перед лицом невероятной жестокости и массового насилия, и что может быть сделано для предотвращения этих явлений в дальнейшем. Экспорт западных ценностей в исламский мир и другие страны с иной культурой – недалековиден. Мы должны будем также ограничить некоторую часть нашей внешней свободы. Такова логика уменьшения дистанции между демократическим и тоталитарным объектами: общество или индивид, под тенью тоталитарной угрозы извне или изнутри, становится ограниченным в своей свободе. На некоторое время мы утратим свою обычную уверенность относительно того, что есть реальность, а что является плодом нашей фантазии: мы будем жить в смеси параноидальных и реальных тревог, прислушиваясь со вниманием к внешней (или внутренней?) опасности (с какой стороны придет следующее нападение?). Мы должны будем вынести это и неторопливо работать, чтобы превзойти “депрессивную” позицию.

Этот процесс, вероятно, включит также некоторые социальные изменения, как в западном, так и в исламском мире. Поскольку 11 сентября год тому назад много людей одновременно почувствовали, что мир больше не будет таким, как прежде. Прошедший год убеждает, что это ожидание не было ошибкой.

ЛИТЕРАТУРА

- Freud A., Burlingham D. (1943). War and Children. New York: Int. University Press.*
- Money-Kyrle R. (1944). Towards a Common Aim: A Psychoanalytical Contribution to Ethics., B.J. Med. Psychol., XX, 1944.*
- Sebek M. (1998). Post-totalitarian Personality – Old Internal Objects in a New Situation. The Journ. Amer. Academy Psychoanal., V.26, 2, Summer,1998, p.295-311.*

Перевод с англ. С.Юренина